

М. В. Озерская

Иосифляне и последователи митрополита Кирилла (Смирнова) о соборности в церковном управлении и проблеме евхаристического единства Русской церкви

В статье предпринята попытка проанализировать и сравнить взгляды представителей двух основных ветвей правой церковной оппозиции, иосифлян и последователей митр. Кирилла (Смирнова), на церковную политику митр. Сергия (Страгородского). Автор показывает, что именно они считали нарушениями принципа соборности в церковном управлении митр. Сергия и почему разорвали евхаристическое общение с ним.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Декларация митрополита Сергия, правая церковная оппозиция, движение непоминающих, иосифляне, круг последователей митрополита Кирилла (Смирнова), евхаристическое единство, соборность.

После выхода Декларации лояльности советской власти 1927 г. в церкви возникло мощное движение сопротивления политике Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского). Одной из причин этого стало недовольство тем, что митрополит допустил вмешательство светской власти во внутренние дела церкви: епископы поставлялись на служение, перемещались, удалялись с кафедр и запрещались по политическим мотивам, по указаниям ОГПУ. Митр. Сергей учредил неканонический Временный Патриарший Священный синод без согласования с Патриаршим Местоблюстителем. Все это многие восприняли как превышение полномочий и узурпацию власти, что и спровоцировало отход от митрополита Сергия значительной части духовенства и мирян¹.

1. По данным М. В. Шкаровского, в 1928 г. около 2400–2700 приходов (11,5 % от общего количества действующих православных храмов) отошли от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Численность только иосифлянского духовенства составляла как минимум 3,5 тыс. человек [Шкаровский. Судьбы, 15]. В течение 2–3 лет после издания июльской Декларации 1927 г. в оппозиции

Они стали именовать себя «непоминающими» (не поминали во время богослужения гражданскую власть и митр. Сергия) или членами ИПЦ (истинно-православной церкви). Позднее в церковно-исторической литературе эти движения получили также название «правой церковной оппозиции».

Правая церковная оппозиция была неоднородным явлением. В период с 1927 по 1929 г. в ней выделились группы или «ветви», названные по именам возглавлявших их епископов и священников: «иосифляне», «мечевцы», «кирилловцы», «бுவевцы», «викторовцы», «даниловцы» (от Даниловского монастыря в Москве).

Самое крупное течение, иосифлянство, возникло в петроградской епархии и быстро распространилось по стране, включив в себя бுவевцев и викторовцев. Иосифляне были наиболее многочисленной и организованной группой непоминающих. Движение названо по имени петроградского митр. Иосифа (Петровых). Многие иосифляне придерживались довольно радикальных взглядов по отношению к курсу митр. Сергия.

Более умеренной была позиция кирилловцев — последователей митр. Кирилла (Смирнова). Вокруг этого замечательного иерарха постепенно сплотились мечевцы и даниловцы. Заметим, что термин «кирилловцы», фигурировавший уже в следственных делах 1930-х гг., принимается не всеми историками. А. В. Журавский в статье «Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского)» [*Журавский, 772–809*] и в других своих работах допускает употребление этого термина. Однако нам представляется более приемлемым название «круг последователей митр. Кирилла», так как входящие в этот круг люди были связаны лишь общностью взглядов на церковные события и не занимались организационной деятельностью, в отличие от иосифлян. Понятие «круг последователей митр. Кирилла» используют в своих монографиях и статьях, посвященных правой церковной оппозиции, свящ. А. Мазырин и О. В. Косик².

Анализируя взгляды непоминающих, большинство исследователей приходят к выводу, что причины неприятия курса митр. Сергия чаще всего находятся отнюдь не в сфере политических пристрастий, а в области сугубо церковных вопросов, касающихся этики, каноники, экклезиологии и мистики. Среди

митр. Сергию оказалось около 40 архиереев (всего в русской церкви их тогда было порядка 200), не считая зарубежных епископов. Следовательно,

число иерархов правой церковной оппозиции составляло около четверти всего епископата.

2. См., напр.: [*Мазырин*], [*Алчущие правды*].

непоминающих были люди разных, иногда противоположных политических убеждений, что не помешало им быть единомышленниками в области церковных воззрений. Следует отметить, что взгляды непоминающих, в том числе их экклезиологические представления, пока мало изучены. В данной статье предпринята попытка осветить критику нарушений принципа соборности в церковном управлении митр. Сергия со стороны иосифлян и кирилловцев, а также рассмотреть и сравнить их взгляды на проблему евхаристического единства Русской церкви.

Нарушения принципа соборности в церковном управлении

Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг. утвердил принцип соборности в качестве нормы церковной жизни. Одним из важных деяний Собора стало избрание Патриарха, который был наделен правами, соответствующими 34 Апостольскому правилу и 9 правилу Антиохийского собора. Были образованы органы высшего церковного управления в период между соборами — Священный синод и Высший церковный совет, их члены избирались на Соборе. В соборных документах говорилось, что высшей властью в церкви обладает Поместный собор. Патриарх — первый среди равных епископов и подотчетен Собору. Регламентировались права и обязанности Местоблюстителя, который должен избираться Священным синодом и Высшим церковным советом на время отсутствия Патриарха. Главное дело Местоблюстителя — довести церковь до Собора для избрания нового Патриарха. Принцип соборности осуществлялся также на епархиальном и приходском уровне. Закреплялась выборность епархиальных архиереев. На Соборе говорили о недопустимости перемещения епископов, за редким исключением. Полнота власти в епархии делегировалась епархиальному собранию, в приходе — приходскому собранию.

Патриарх Тихон, а затем митр. Петр (Полянский) действовали по поручению Собора, проводя в жизнь его решения. Священный синод и Высший церковный совет по истечении срока их полномочий были распущены. Но Патриарх всегда прислушивался к мнению архиереев. Дважды он даже отменял свои решения по совету епископов³. Впоследствии владыка Кирилл отмечал эту черту Патриарха в переписке с митр. Сергием.

3. Решения о введении нового стиля и учреждении в 1924 г. под давлением Тучкова органов выс-

шего церковного управления с участием обновленцев, в том числе свящ. Александра Красницкого.

С 1927 г. непоминающие указывали митр. Сергию на многочисленные нарушения принципа соборности в его управлении церковью. Здесь иосифляне и кирилловцы были почти единодушны. Основными нарушениями соборности непоминающие считали узурпацию власти Собора и Местоблюстителя, а также перемещение и запрещение епископов без соборного суда. Узурпацией прав Собора митр. Кирилл считал проведенную Заместителем реформу церковного управления с образованием неканонического Синода. Иосифляне делали акцент на легализации церкви на условии принятия Декларации, которую считали «изменением курса корабля церкви». По мнению непоминающих, Заместитель не имел на это никаких прав, поскольку изменение церковного курса и церковного устройства — прерогатива Собора. О том, что высшая власть в Русской церкви принадлежит Собору, иосифляне и кирилловцы постоянно напоминали митр. Сергию.

Свою церковную позицию непоминающие отстаивали с завидным упорством. Многочисленные обращения, протесты, письма с требованием отказаться от «гибельного уклона церковного корабля» поступали митр. Сергию с разных концов страны. Делегации иосифлян, отдельные епископы и священники многократно посещали Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Документы оппозиции распространялись по стране в рукописных и машинописных копиях. Рискуя жизнью, иосифляне раздавали листовки около храмов. Увенчались успехом несколько попыток передачи документов за границу. В конце 1929 г. еп. Дамаскин (Цедрик), принадлежавший к кругу последователей митр. Кирилла, организовал посылку церковных документов митр. Петру (Полянскому). В результате церковь услышала мнение своего предстоятеля по наболевшим вопросам. Соборный голос церкви звучал, хотя не было возможности высказаться в печати и созвать новый Собор. Этот «всеобщий голос верующего народа» еп. Дамаскин называл «голосом Божиим». Он предупреждал митр. Сергия:

Если Вы, Ваше Высокопреосвященство, станете упорствовать в Вашем курсе и открыто пренебрежете голосом Ц[ерк]ви, то она, продолжая свой крестный путь, откажется от Вас, как соучастника с ее распинателями [*Совершится суд Божий, 367*].

Мысль о том, что легализация навязана церкви, что соборный церковный разум не принимает ее, содержится практически

во всех иосифлянских документах. В обращении ленинградского духовенства и верующих к митрополиту Сергию о Декларации 1927 г. читаем:

Итак, послание все предусмотрело, чтобы придать себе вид законности, и все же оно стоит на песке. Ни патриарх, ни собор, ни соборный разум Церкви в действительности вовсе не с ним. <...> ...Оторванное от истинной Церкви, оно само легло краеугольным камнем в основание новой «церкви лукавующих» [Шкаровский. *Иосифлянство*, 216].

Похожая мысль звучит и в первом письме еп. Дамаскина митр. Сергию, написанном в мае 1929 г.:

Грустно думать о том, что мудрость Ваша попустила Вас не только переоценить себя и свои полномочия, но и решиться действовать вопреки такому основному иерархическому принципу Ц[ерк]ви, который выражен в 34 правиле Св[яты]х Апостолов (34-е правило Святых Апостолов гласит: «Епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: Творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух» — *Ред.*).

<...>

Вы дерзнули от лица всей Ц[ерк]ви предложить свой унижительный акт, — Вы же обязаны от лица Ц[ерк]ви отказаться от него, ибо поистине Вы действовали вопреки церковному сознанию, превысив свои полномочия и врез с мнением Епископата Рос[сийской] Ц[ерк]ви [*Совершается суд Божий*, 356, 362].

Важно, что еп. Дамаскин упоминает 34 правило Святых Апостолов, в соответствии с которым на Соборе был наделен властью Патриарх. На это правило, споря с митр. Сергием, часто ссылались и иосифляне. Еп. Дамаскин пишет, что при встрече задавал митр. Сергию два вопроса, на которые так и не получил ответа:

I. Считаете ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, что решение Ваше является голосом соборного иерархического сознания Рос[сийской] Ц[ерк]ви?

II. Имеете ли Вы основания считать Ваш личный авторитет достаточным, чтобы противопоставить его сонму маститых иерархов, совершенно не разделяющих Вашу точку зрения? [*Совершается суд Божий*, 351].

Митрополит Кирилл вводит понятие «иерархическая совесть Соборной Церкви», которая выше дисциплины. Как только дисциплина предъявляет требования, чуждые интересам церкви, иерархическая совесть «встает на страже соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во что бы то ни стало»⁴. Как мы видим, важным условием соборного признания того или иного шага Заместителя непоминающие считали мнение епископата. Митр. Кирилл отмечал, что митр. Петр был наделен властью собором епископов, собравшимся на погребение Патриарха. Заместитель же принял свои полномочия от Местоблюстителя без утверждения их епископатам. Вспомним, что патриарх Тихон призывал в решении сложных вопросов опираться на мнение «соловецкого собора».

Одним из нарушений принципа соборности митр. Сергием непоминающие считали авторитарность его управления церковью. Они отмечали, что митр. Сергей не признавал границ своих полномочий, декларировал фактически неограниченность своих прав. Крайним проявлением этой авторитарности явились многочисленные переводы епископов и прещения, наложенные на всех несогласных с его церковной политикой. Любая критика деятельности Заместителя оборачивалась для оппонентов обвинениями в расколе и церковными наказаниями. Владыка Кирилл указывал на это митр. Сергию в своем отзыве на его второе письмо:

Во имя... правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решился я поднять свой голос, но Вы обратили мое выступление только в предлог для расправы со мною⁵.

По мнению непоминающих, все это было далеко от принципа соборности и нарушало решения Собора 1917–1918 гг. В петроградском документе «Важная разница» на эту тему говорится:

Сейчас происходит по всей России эта вакханалия перекидывания архиереев с места на место. <...> И верующие не могут тут оставаться безучастными зрителями, смотреть на это как на борьбу архиереев за власть... Нет. Это борьба за их собственные права, за свободу Св. Церкви, грубо попираемую, за правду Божию [*Шкаровский. Судьбы, 512*].

4. Письмо митр. Кирилла архим. Владимиру (Пуссету). (Цит. по: [*Журавский, 310*].)

5. Цит. по: [*Журавский, 326*].

Автор документа был возмущен переводом митр. Иосифа (Петровых), которого называл «народным избранником». Свидетельством этого избранничества были «всеобщая любовь и доверие» паствы к нему. В иосифлянских документах есть множество подобных свидетельств зрелого соборного сознания⁶.

Выстраивание в церкви властной вертикали, авторитарное управление ею, пренебрежение принципом соборности, по мнению иосифлян, привело к страшной подмене самой Церкви как Тела Христова, как живого организма, где действует любовь, — церковной институцией, основанной на мертвой дисциплине. Эту подмену прот. Феодор Андреев назвал «душой всех ересей». В «Апологии отошедших» или «Письме еп. Иннокентию (Тихонову)» он писал:

Сергианство для многих и ускользает от обвинений его в еретичности, что ищут какой-нибудь ереси, а тут — самая душа всех ересей: отторжение от истинной Церкви и отчуждение от подлинной веры в ее таинственную природу, здесь грех против мистического тела Церкви, здесь замена его тенью и голой схемой, костным остовом дисциплины. Здесь ересь как таковая, Ересь с большой буквы, ибо всякая ересь искажает учение Церкви, здесь же перед нами искажение самой Церкви со всем ее учением [*Апология отошедших*].

К похожему выводу позже приходит и еп. Дамаскин (Цедрик):

Разница между нами и Сергианами совершенно ясна и уже определилась, заключается она чисто в идеологическом понимании сущности Христовой Церкви и проистекающих из сего обязанностей христианина и пастыря. Те стремятся во что бы то ни стало сохранить видимую структуру Церкви, ее управления, и ради сего нарушили, исказили внутреннюю Правду Христовой Церкви. Исповедание Истины Евангельской заменили человеческой дипломатией, ведут к обмирщению и поставляют ее таким путем в качестве орудия для целей богоборцев. Исказивши догматы, основу Церковных правил, оправдывают свои беззакония тем, что не нарушили внешней формы церковных правил...⁷.

6. См., напр.: Открытое письмо ленинградского мирянина еп. Петергофскому Николаю (Ярушевичу): «Если в синодальный период нашей Церкви православный народ, устранный от всякого активного участия в церковном строительстве, равнодушно взирал на многие неканонические явления в Церкви, вроде постоянного перемещения епископов, а сами епископы молча, иногда со слезами, подчинялись воле обер-прокурора, а нередко и сами старались получить назначе-

ние на кафедре через мирских начальников, то теперь, после отделения Церкви от государства, с освобождением Церкви от вмешательства и опеки мирской власти, пора строить церковную жизнь на строго канонических началах, пора прислушаться не к голосу сильных мира сего, а к голосу православного народа — Тела Церкви» [*Шкаровский. Судьбы*, 502].

7. Третье письмо к священнику Иоанну Смоличеву [*Косик*, 301].

У митр. Кирилла нет таких резких слов, однако ряд исследователей, например, М. В. Шкаровский, считает, что его взгляды изменились и постепенно сблизились с позицией иосифлян. С этой точкой зрения не согласен А. В. Журавский, он убежден, что взгляды митр. Кирилла не претерпели коренного изменения. Предметом спора является черновик письма, обнаруженного в последнем, чимкентском следственном деле 1937 г. В нем есть такая фраза:

Ожидания, что митрополит Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени... и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергей отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства⁸.

Отношение к проблеме евхаристического единства Русской церкви

Одной из самых сложных проблем внутренней жизни церкви в конце 1920-х — 1930-х гг. был вопрос евхаристического единства. Возникшее в церковной среде разделением естественным образом привело к разрыву евхаристического общения между сторонниками митр. Сергия и правой оппозицией. При этом иосифляне и последователи митр. Кирилла по-разному оценивали причины этого разрыва.

Подписав акт отхода от митр. Сергия, иосифляне перестали почитать его за богослужением и признали безблагодатным. Еп. Димитрий (Любимов) уже в январе 1928 г. заявил об этом своей пастве и потребовал разрыва молитвенного общения с митр. Сергием. Очень скоро аналогичные заявления сделали другие иосифлянские епископы. Важно проанализировать их действия, чтобы разобраться в причинах столь радикальной позиции.

Иосифляне считали митр. Сергия еретиком и отступником, вступившим в союз с антихристом через недолжный компромисс с безбожным государством. По их мнению, это лишало Церковь

8. Цит. по: [Журавский, 768].

ее внутренней свободы во Христе, извращало ее природу, делало «безблагодатной плотской организацией». Мистически это осмыслялось как слияние с антихристовой властью, как попытка «осоюзить Христа с Велиаром»⁹, признавалось мистическим грехом против Церкви. В сергиевской церкви, которая, вслед за обновленческой, была названа «церковью лукавнующих», по мнению иосифлян, больше не действовал Святой Дух, и митр. Сергей и его последователи оказались за мистическими границами истинно-православной Церкви, поэтому все таинства, совершаемые сергианами, признавались недействительными, подложными. Здесь уместно процитировать киевское воззвание:

Одно из двух. Или, действительно, Церковь — непорочная и чистая Невеста Христова есть Царство Истины, и тогда Истина — это воздух, без которого мы не можем дышать, или же она, как и весь лежащий во зле мир, живет во лжи и лжью. И тогда все ложь. Ложь — каждое наше слово, каждая молитва, каждое таинство [Шкаровский. *Иосифлянство*, 211].

Наиболее радикальные иосифляне называли евхаристию, совершаемую в сергианских церквях, «трапезой сатаны», «бесовской трапезой», сами храмы — «вертепами разбойников» (еп. Виктор (Островидов), М. А. Новоселов). Крещеных в сергиевской церкви иосифляне принимали через миропомазание, венчанных перевенчивали, а также не отпевали умерших, посещавших сергианские храмы. Такие крайние ревнители как еп. Виктор (Островидов) и еп. Иларион (Бельский) даже перекрещивали крещеных в сергианстве. Все это иосифляне считали отнюдь не раскольническими действиями, а «сохранением церкви от расколов и разделений» (по 15-му правилу Двукратного Собора¹⁰), сохранением чистоты православия.

Кратко коснемся других литургических аспектов разрыва с митр. Сергием. Иосифляне не возносили за богослужением его имени, так как не считали его Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Оставаясь в молитвенно-каноническом общении с митр. Петром (Полянским), иосифляне поминали его как Пат-

9. Выражение М. А. Новоселова.
10. Вторая часть 15 правила Двукратного собора говорит об отделении прежде собора от предстоятеля, который всенародно проповедует ересь. Отделившиеся от такого предстоятеля «достойны чести, подобающей православным. Ибо они

осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но постарались сохранить Церковь от расколов и разделений» (См: URL: <http://www.krotov.info/acts/09/2/0861kpl.html> (дата обращения: 11.05.2015)).

риаршего Местоблюстителя. Иосифляне продолжали молиться за арестованных и сосланных священников и епископов, считая их исповедниками Христа, в которых «сияет святость церкви».

Иосифляне были возмущены введением поминовения властей по формуле «о стране нашей и о властях ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Многие из них молились по формуле, утвержденной 6 апреля 1918 г. на Всероссийском Поместном Соборе: «о страждущей Державе Российской и о спасении ея». Некоторые иосифляне употребляли молитву из Помянника: «Отступившия от православныя веры и погибельными ересьми ослепленныя, светом Твоего познания просвети и Святей Твоей Апостольстей Соборней Церкви причти». Новая формула поминовения властей для иосифлян была проявлением лицемерия и двоедушия.

После начала ожесточенных репрессий на представителей правой оппозиции многие непоминающие стали переходить на нелегальное положение. Порой в «катакомбы» уходили целые приходские и монастырские общины. Лишенные возможности совершать евхаристию в храмах, верующие тайно собирались по домам. Сохранились описания таких домашних богослужений в общинах непоминающих. Бывало, что священники и епископы приезжали для совершения богослужений нелегально, нарушая подписку о невыезде. Иногда поблизости не оказывалось истинно-православного священника или епископа. Как поступать в таких случаях, писал в начале 1933 г. своим духовным детям из лагеря в Западно-Казахстанской области иосифлянский епископ Нектарий (Трезвинский):

Соединяйтесь в малые группы и молитесь по домам. Пойте церковные священные песнопения. Читайте Слово Божие. Творите посылно милостыню. Погребайте умерших без сергианских попов. Святые Тайны принимайте лишь от истинных пастырей. А таковых вы всегда с Божией помощью при желании найдете.

Ныне, по пророчеству Апокалипсиса, Церковь ушла в пустыню, т. е. скрылась в подполье или оказалась в таком положении, когда верующие вынуждены тайно и сокровенно собираться на церковную молитву¹¹.

Мы видим, что в новых условиях иосифлянское духовенство по-прежнему не признавало сергианских таинств и не благослов-

11. Цит. по: [Шкаровский. Судьбы, 172].

ляло своих духовных чад участвовать в них. Если не было иосифлянских священников, миряне совместно молились по домам.

Возвращаясь к вопросу евхаристического единства, заметим, что он был глубоко осмыслен иосифлянами. В своих полемических произведениях и письмах они отмечали, что евхаристическое единство не рождается на пустом месте; оно является выражением единства Церкви как Тела Христова. Иосифлян часто упрекали в том, что они разрушают это единство, уходят в раскол, «рвут хитон Христов», по выражению митр. Сергия. На это они отвечали, что сергианское «единство церкви» — это единство иерархии, связанной лишь бездушной дисциплиной, тогда как настоящее живое единство возможно только в духе любви и соборности. В «Апологии отошедших» или «Письме епископу Иннокентию (Тихонову)» [*Апология отошедших*] прот. Феодор Андреев называет это сергианское псевдоединство одним из главных «догматов сергианства». Отвечая на слова митр. Сергия о хитоне Христовом, иосифляне замечали, что Церковь — не хитон, она — Тело Христово. Заботясь о хитоне, т. е. внешнем устройстве церкви, митрополит забыл о Телe (внутренней сущности Церкви), подобно римским воинам, распинавшим Христа и рвавшим Его тело, но заботившимся о его одежде. Настоящее же единство — не внешнее, а глубоко внутреннее. «Как может быть внешнее единство там, где в сердцах, в корне и в сущности, полное разделение и разобщение?» — говорилось в тамбовском документе 1928 г. «Ответ искушающим» [*Шкаровский. Судьбы, 522*].

Закрепляя возникшее разделение, митр. Сергей и Временный Патриарший Синод 6 августа 1929 г. издали постановление № 1864, которое уравнивало в каноническом отношении левые расколы (обновленцев, григориан) и правую оппозицию. Их таинства объявлялись недействительными, крещеных этими клириками следовало принимать через миропомазание, венчанных перевенчивать, а умерших в «указанных расколах не следовало, хотя бы и по усиленной просьбе родственников, отпевать» [*Акты, 644*]. К этому постановлению восходит возобладавшая в отечественной историографии традиция считать представителей правой оппозиции раскольниками. Такое восприятие было преодолено в РПЦ МП только в конце XX века.

Переходя к позиции митр. Кирилла и его последователей, заметим, что они по-другому относились к вопросу евхаристического единства, нежели иосифляне. Ведя полемику с митр. Сергием,

кирилловцы сосредоточились на вопросах канонического положения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и осуществленной им реформы церковного управления. По их мнению, митр. Сергей считал себя «первым епископом страны» и, принимая от лица всей церкви важнейшие решения, узурпировал власть Местоблюстителя и Собора. Учредив неканоничный Временный Патриарший Священный синод, он провел незаконную реформу церковного управления, подменив патриаршую власть коллегией. Разрыв молитвенного общения с митр. Сергием кирилловцы полагали «единственным способом обличения согрешающего брата»¹². Это обличение было необходимо, чтобы призвать его к покаянию.

Как было отмечено выше, последователи митр. Кирилла мыслили себя в одной церкви с митр. Сергием. По их мнению, грех предстоятеля по управлению церковью не повреждал ее православно-догматического учения. Поэтому кирилловцы признавали действительность и благодатность таинств, совершаемых сергианами. Также они признавали и таинства иосифлян. Некоторые последователи митр. Кирилла, например, еп. Афанасий (Сахаров), еп. Дамаскин (Цедрик), считали, что за недостойных служителей алтаря евхаристию совершают ангелы.

Митр. Кирилл писал, что совместное совершение евхаристии возможно только в единомыслии и сердечном мире. Заметим, что он относил воздержание от совместного литургисания к архиереям, а не к рядовому духовенству и мирянам, которые оставались послушными митр. Сергию чаще всего по незнанию. Митр. Кирилл говорил, что в случае смертельной опасности спокойно примет последнее напутствие от такого священника. Для мирян владыка даже допускал принятие святых даров в храмах, подчиняющихся митр. Сергию, если поблизости нет «православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к патриаршему местоблюстителю»¹³. Однако владыка не благословлял принимать активное участие в жизни сергианских приходов.

Крайние суждения некоторых иосифлян о сергианских таинствах митр. Кирилл считал ревностью не по разуму, граничащей

12. Первое письмо митр. Казанского и Свяжского Кирилла Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Нижегородскому Сергию [Акты, 638].

13. Второе письмо митр. Казанского и Свяжского Кирилла Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Нижегородскому Сергию [Акты, 656].

с хулой на Святого Духа. Владыке больно было видеть проявления злобы среди братьев. В письме из станка Хантайка от 27 января 1929 г., адресованном кому-то из ленинградских иосифлян, он писал:

В мою пустыню доходят слухи о разрастающейся среди братии по вере вражде, переходящей в ненависть... о ревности не по разуму, граничащей с хулой на Духа Святого, каковы взаимные обвинения в безблагодатности. Горестно слышать это. <...> Да сохранит всех вас Господь в любви к друг другу и к согрешающим братьям¹⁴.

Владыка считал необходимым возносить частную молитву за митр. Сергия и его последователей.

С другой стороны, по мнению митр. Кирилла, митр. Сергей также поступил неправильно, издав указ о недействительности таинств иосифлян. Этим постановлением он «не для всех еще ясный спор закреплял как непримиримую церковную вражду»¹⁵. Всякое же проявление церковной вражды идет во вред церкви.

Митр. Сергей обвинял владыку Кирилла в том, что он поступает неканонично, признавая действительность сергианских таинств и в то же время отказываясь от евхаристического общения с сергианами. На это владыка отвечал, что церковная жизнь в последнее время складывается не по буквальному смыслу канонов¹⁶.

Первым епископом и Патриаршим Местоблюстителем владыка Кирилл признавал митр. Петра (Полянского), поэтому возносил за богослужением его имя. Митр. Сергия не поминал, так как считал его лишь заместителем митр. Петра для текущих дел, к тому же узурпировавшим власть Местоблюстителя и Собора.

Заметим, что высказывания митр. Кирилла и его сторонников о сергианах постепенно становятся более жесткими. К февралю 1934 г. относится строгое письмо митр. Кирилла к неизвестному архиерею, в котором владыка рассуждает о действительности сергианских таинств:

14. Цит. по: [Журавский, 306–307].

15. Второе письмо митр. Казанского и Свияжского Кирилла Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Нижегородскому Сергию [Акты, 655].

16. В дальнейшем еп. Афанасий (Сахаров) нашел среди деяний Поместного Карфагенского собора правило, по которому епископы поместной церкви должны были отказать в евхаристическом общении православному, не отлученному, епископу,

не достаточно энергично действующему в защиту интересов церкви, а именно не заботящемуся о возвращении захваченного донатистами имущества или кафедр (правило 123 (137) Карфагенского собора). На этом правиле, по свидетельству еп. Афанасия, он и митр. Кирилл канонически основывали свою позицию (См.: URL: <http://www.krotov.info/acts/canons/0419karf.html> (дата обращения: 18.05.2015)).

Таинства, совершаемые сергианами... являются, несомненно, Таинствами спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждений и сомнения в их действительности и даже не подозревающих чего-либо неладного в сергианском устройении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим противопоставлением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви. Вот почему православному епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни [Акты, 702].

Подобные мысли высказывал и еп. Дамаскин (Цедрик) в своей переписке с архиеп. Серафимом (Самойловичем) в 1934 г. Разрыв литургического общения с сергианами епископ называет «противлением совершающейся неправде и соблазну» и даже соборным судом церкви над «митр. Сергием и его беззаконными деяниями». В отношении сергианских таинств еп. Дамаскин писал, что митр. Сергей и его сознательные последователи, несомненно, «отщетились благодати» из-за греха отступничества. Но до соборного суда, пока они не отсечены, Господь посылает своих ангелов для совершения таинства вместо недостойных служителей ради тех, кто посещает сергианские храмы по неведению.

Что же касается тех рабов Божиих, коим дано разобраться в положении, осознать неправду и зло сергианства, понять, что путь сергианства — есть путь апостасии, — те обязаны не только выступить с протестом против деяний м[итрополита] С[ергия] и присных его, не только пройти указанный писанием и церковными правилами путь увещания и обличения соблазнительей, но и своим примером должны показать свое противление совершающейся неправде и соблазну, порывая литургическое общение с сергианами, не посещая храмов их, делая все возможное для приближения соборного суда над беззаконниками¹⁷.

Владыка Дамаскин считал, что церковные учреждения, награды, а также торжественные храмовые богослужения не нужны в тяжелое время гонений и даже могут стать средством соблазна. О тех, кто привержен храмовому благочестию, он писал:

17. Послание к архиепископу Серафиму (Самойловичу) от 15 апреля 1934 г. (См.: [Косик, 313]).

Печальную картину являют собой люди, приверженные к храму, но совершенно нецерковные, ибо сменяют православных священнослужителей в храме живцы, тех обновленцы или самосвяты, этих сергиане, потом вновь обновленцы, а приверженцев храма это мало волнует, — им нужен храм, декорум богослужебный, привычная обрядность внешнего участия их в таинствах и только. В этом вся сущность сергианской ц[ерк]ви. Это печальное наследие синодального периода церкви, этот показатель угасания духа в Ц[ерк]ви. Все мы — пастыри, много повинные в сем тяжком грехе перед Ц[ерк]овью, крепко должны в сем каяться [*Косик, 317*].

Еп. Дамаскин видел возможность решения этих проблем в «установлении прочных дух[овно]-благодатных связей между пастырями и пасомыми, тогда в настоящую бурю Ц[ерк]овь будет непоколебима перед лицом еще более тонких соблазнов и без храмов» [*Косик, 318*].

В заключение отметим, что после избрания патриархом Алексия I (Симанского) в 1945 г. многие непоминающие восстановили молитвенное общение с Московской патриархией. Владыка Афанасий (Сахаров), пользовавшийся большим авторитетом среди катакомбников, написал окружное послание в тайные общины и скиты с призывом «вернуться в лоно» патриаршей церкви, и его призыв подействовал. Некоторые общины непоминающих так и не восстановили евхаристическое и каноническое общение с патриархией. Они влились в ряды истинно-православных христиан (ИПХ). Чаще всего в таких общинах не было священников.

* * *

При большой общности взглядов иосифлян и кирилловцев можно выделить следующие особенности их церковной позиции и причин разрыва с митр. Сергием (Страгородским). Основной причиной отхода иосифлян от митр. Сергия был недолжный компромисс церкви с безбожным государством. Для последователей митр. Кирилла такой основной причиной была осуществляемая митр. Сергием незаконная реформа церковного управления.

Иосифляне считали митр. Сергия еретиком и отступником, вступившим в союз с антихристом. В сергиевской церкви, ставшей, по мнению иосифлян, «безблагодатной плотской организацией», больше не действовал Святой Дух. Иосифляне были уверены, что митр. Сергей и его последователи оказались за мистическими границами истинно-православной церкви, поэтому

все таинства, совершаемые сергианами, признавались недействительными, подложными. Таким образом, молитвенно-каноническое общение с сергианами становилось просто невозможным.

Митр. Кирилл и его последователи разорвали евхаристическое общение с митр. Сергием в знак протеста против подмены церковного управления и учреждения Синода с функциями соправителя. Эту меру они понимали не как отделение от сергиевской церкви, а как «способ обличения согрешающего брата». Они считали, что грех предстоятеля по управлению церковью не повреждает содержимого этой церковью православно-догматического учения, поэтому признавали благодатность таинств сергиан для тех членов церкви, которые не разбираются в сложной церковной ситуации. Кирилловцы верили, что ради этих людей вместо недостойных служителей алтаря евхаристию совершают ангелы. Для тех же, кто понимает всю неправду сергианства, евхаристическое общение с сергианами недопустимо.

Иосифляне и последователи митр. Кирилла настойчиво указывали митр. Сергию на многочисленные нарушения принципа соборности в его управлении церковью, главными из которых они считали узурпацию прав Собора и Местоблюстителя, незаконную реформу церковного управления и изменение курса церковной политики по отношению к государству, а также перемещение и запрещение епископов без суда и соборного решения. Непоминающие указывали, что Декларация 1927 г. принята вопреки принципу соборности и вразрез с мнением епископата Русской церкви. Важным условием соборного принятия того или иного шага Заместителя непоминающие считали мнение епископов.

По мнению иосифлян, выстраивание в церкви властной вертикали, авторитарное управление ею, пренебрежение принципом соборности привело митр. Сергия к подмене Церкви как Тела Христова, где действует любовь, — церковной институцией, основанной на мертвой дисциплине. Иосифляне называли эту подмену «душой всех ересей», потому что всякая ересь искажает учение церкви, здесь же произошла подмена самой церкви. Постепенно некоторые кирилловцы пришли к похожим взглядам, но выражали их более сдержанно.

Власти считали непоминающих наиболее опасными «контрреволюционными элементами», их в первую очередь подвергали жестоким репрессиям. Большинство из них приняло мученическую кончину в лагерях и тюрьмах. Поражает мужество этих людей, их стойкость, ревность о чистоте церкви и готовность

пострадать за нее. В тяжелое время гонений непоминающие имели четкую церковную позицию и отстаивали ее, даже рискуя жизнью. Нашей церкви еще предстоит серьезный экклезиологический анализ их взглядов, а также глубокое осмысление истории и причин возникновения правой церковной оппозиции.

Со стороны Московской патриархии в оценке непоминающих в последнее время произошли значительные изменения. На Юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. были канонизированы несколько десятков иосифлян. В документах Собора говорится, что представители правой церковной оппозиции не были раскольниками; канонизация непоминающих возможна, так как их действия не имели корыстных мотивов и были обусловлены посвоему понимаемой заботой о благе церкви.

Источники и литература

1. *Акты* = Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 : Сб. в 2-х частях / Сост. М. Е. Губонин. М. : ПСТБИ, 1994. 1064 с.
2. *Алчущие правды* = Алчущие правды : Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырина, О. В. Косик. М. : ПСТГУ, 2011. 424 с.
3. *Апология отошедших* = Апология отошедших. URL: <http://true-orthodox.narod.ru/documents/apology.html> (дата обращения: 25.05.2015).
4. *Журавский* = Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви : Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М. : Изд. Сретенского монастыря, 2004. 864 с.
5. *Косик* = Косик О. В. Истинный воин Христов : Книга о священномученике епископе Дамаскине (Щедрике). М. : ПСТГУ, 2009. 384 с.
6. *Мазырин* = Мазырин Александр, свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. М. : ПСТГУ, 2006. 444 с.
7. *Совершается суд Божий* = «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...» : Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина (Щедрика), епископа Стародубского, 1877–1937 / Вступ. ст., публ., коммент. О. Косик // Богословский сборник. 2002. Вып. 9. С. 336–375.
8. *Шкаровский. Иосифлянство* = Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб. : НИЦ «Мемориал», 1999. 400 с.

9. *Шкаровский. Судьбы* = Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей : Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб. : Сатисъ, 2006. 600 с.

M. V. Ozerskaya

Josephites and Followers of Metropolitan Kirill (Smirnov) Speaking on Sobornost in Church Administration and on the Eucharistic unity of the Russian Church

The article attempts to analyse and to compare the views of representatives of the two main branches of the rightist church opposition, Josephites' and the followers of the Metropolitan Kirill (Smirnov), on the church policy of Metropolitan Sergius (Stragorodsky). The author demonstrates what exactly they considered as violations of the sobornost principle in Metropolitan Sergius' church administration and why they broke Eucharistic communion with him.

KEYWORDS: Metropolitan Sergius' 1927 Declaration, rightist church opposition, anti-Sergianists movement, the 'Josephites', followers of Metropolitan Kirill (Smirnov), Eucharistic unity, sobornost.